

Чрезмерная фискальная нагрузка в течение последних лет – главная причина падения добычи нефти в стране. Инвестиции сокращаются, перспективы отрасли туманны. Налоговые льготы вряд ли будут стимулировать рост добычи, поскольку они и несистемны, и недостаточны.

Черные годы черного золота

И. А. ОГНЕВ,
Тюмень

Сокращение добычи нефти в стране в первой половине 2008 г. на 0,4% вызвало эмоциональную реакцию: кто бы, мол, еще несколько лет назад мог подумать! А между тем всё к такому финалу и шло. Если в 2002–2004 гг. добыча ежегодно росла на 9–11%, то в следующие два года темп скатился до двух с небольшим процентов. Чуда не случилось: в 2008 г. нефтяники Западной Сибири добыли нефти на процент меньше, а доля региона в общероссийской «цистерне» впервые заметно сократилась. Упала добыча и в России. Стремительно – почти на пятую часть – обвалился экспорт. Так что нынешняя сложная ситуация в отрасли вызвана отнюдь не кризисом.

Хвост кошке резали по частям

Это сегодня причину стагнации – всё еще стагнации! – отрасли в правительстве называют прямо: жесткая система налогообложения. А в декабре 2003 г. тогда ещё президент В. В. Путин заявил, что «сверхприбыль нефтяников можно изъять такими простыми инструментами, как экспортные пошлины и налог на добычу полезных ископаемых»¹. С 1 января 2005 г. правительство и Госдума РФ повысили и без того солидную ставку налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), а также экспортные пошлины. По расчетам Министерства экономического развития и торговли РФ (МЭРТ), из отрасли изымали 90% дохода от роста экспортных цен.

¹ Коммерсантъ. 2008. 19 дек.

© ЭКО 2009 г.

Однако этого показалось мало, и в декабре 2007 г. В. В. Путин вновь заявляет: «Мы приняли решение создать лучшие условия для работы реального сектора экономики за счет нефтянки, добывающих отраслей. Мы посчитали, что жирок у них есть, и мы можем перераспределить немного налоговую нагрузку»².

Но через полгода очередное увеличение фискальной нагрузки нефтяникам вызвало падение добычи, и В. В. Путин вынужден был признать, что сложившийся «таможенный и налоговый режим – особенно на фоне роста инфляции – начал тормозить инвестиционную активность нефтяников. На каждый вложенный рубль мы изымаем примерно 85% из отрасли. Это, конечно, многовато... Поэтому мы уже пошли на снижение налоговой нагрузки»³.

Действительно, с 2007 г. опустили ставки налога для старых, выработанных до 80% месторождений, а также новых – в Восточной Сибири. Без разработки последних нельзя заполнить строящийся нефтепровод на Дальний Восток и далее в Китай. Но уже тогда в МЭРТ РФ не скрывали, что запас прочности в отрасли невелик.

Представители же крупных компаний предлагали освободить от экспортной пошлины хотя бы новые восточные месторождения на весь период окупаемости и существенно снизить НДС. Однако С. Д. Шаталов, замминистра финансов и главный конструктор нашей налоговой системы, в конце декабря 2007 г. заявил, что его ведомство не рассматривает подобные просьбы нефтяников, поскольку в России он не знает убыточных компаний.

«Ножницы Кудрина» стригли безжалостно

Здесь надо сказать, что НДС – не вся дань отрасли государству. Правительство РФ при экспорте сырья установило так называемую цену отсечения: компания-собственник нефти получает с каждого барреля только 27 дол., а большая часть мировой цены идёт в Стабфонд. Это – кроме экспортной

² Коммерсантъ. 2008. 23 мая.

³ Там же.

пошлины. Методику её расчета нефтяники прозвали «ножницами Кудрина». Это фискальное изобретение доставило отрасли немало неприятностей. Её величина определялась по среднемировым ценам за два прошедших месяца. И если на момент уплаты цены повышались, то компаниям дышалось полегче. Но если мировые цены падали, нефтяникам приходилось туго: пошлину рассчитывали на основе высоких цен, которых уже не было. Так, осенью компании прекращали торги на свободном рынке, иначе бы им пришлось продавать сырье себе в убыток. «Ножницы Кудрина» стригли нефтяников и на внутреннем рынке: экспортная пошлина стала самым крупным налогом.

Словом, фискальная картина отрасли такова. Если цены сырья за 2002–2007 гг. выросли на 191%, то капитальные затраты нефтяников – на 341, НДС – на 353, а экспортные пошлины – аж на 982%. Общий уровень налоговых изъятий из доходов нефтяных компаний достиг астрономических 89%. В 2007 г. нефтяники формировали 61% российского бюджета. Если такая фискальная нагрузка сохранится, утверждали представители отрасли в середине 2008 г., то к 2020 г. добыча в России рухнет на 40%.

При этом безжалостно обираются регионы. До 2000 г. отчисления нефтяных налогов в региональные бюджеты регулировал специальный закон, по которому, например, доля Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов составляла 15%. А потом она съежилась до 5%. В прошлом году налоговые изъятия с территории Ханты-Мансийского АО превысили 86,5%. Из 1,34 трлн руб. в консолидированный бюджет округа поступило лишь 180 млрд, но округ ещё оставался донором, обеспечивая поступление каждого восьмого рубля в казну государства, не считая экспортных пошлин и иных платежей. А в 2009 г. бюджет округа становится дефицитным. Ведь он напрямую связан с ценой на нефть. При прогнозе в 41 дол. за баррель теряется половина доходов – около 70 млрд руб. И виноват не только кризис. Почти все крупные компании – нефтяников, газовиков, железнодорожников – зарегистрированы в Москве. Далее, будучи донором, округ практически не входил ни в одну федеральную программу. Ситуацию надо менять, и власти округа

работают по этим направлениям с правительством, Государственной думой, Советом Федерации, «Единой Россией».

В сентябре 2008 г. к премьеру с просьбой о помощи обратились главы всех крупных нефтегазовых компаний, и даже «Газпром». Только тогда правительство стало понимать катастрофичность ситуации. С 1 октября и до января экспортную пошлину резали в три приёма – с 485,8 до 195,2 дол. Почему не сразу? Прислушивались к финансовому ведомству. Пожарные меры спасли отрасль от катастрофы, однако они опоздали. Крупные компании останавливают скважины, а малые – банкротятся. С февраля 2009 г. пошлину опустили до 100 дол. с небольшим, а недавно первый вице-премьер И. И. Шувалов даже заговорил о её возможном обнулении⁴. Интересно, что, по планам правительства, в 2008 г. добыча должна была стабилизироваться, а в нынешнем – вырасти.

Парадоксальность ситуации в том, что фискальная кухня варится в недрах Минфина. Но поскольку единственная головная боль этого ведомства – наполнение бюджета, а вовсе не развитие экономики, то преобладает чисто бухгалтерский подход: свести доходы с расходами. И действительно – все последние годы государственная кубышка солидно переполнялась. Тем более, предвещали взлёт нефтяных цен до 200 дол. за бочку... Словом, финансовое ведомство могло озаботиться лишь в том случае, если бы нефтяные компании показали крупные убытки, которые к тому же продержатся длительное время. А если спасать будет некого – это не его вина.

Развитые страны стали таковыми ещё и потому, что их минфины, как писал в «ЭКО» академик А. Г. Аганбегян⁵, не причастны к налоговой политике, а ведомства, которые эту политику творят, подчинены непосредственно главам правительств.

Другая сложность связана со спецификой нефтяной отрасли. Ей, как никакой другой, важна стабильность, поскольку с момента открытия месторождения до выхода на промышленную добычу проходит, как правило, 10 лет. Но горизонт планирования должен быть еще длиннее. Иначе трудно рассчитать рентабельность проекта и, следовательно, разумность

⁴ Ведомости. 2009. 13 янв.

⁵ Аганбегян А.Г. Экономика России на перепутье // ЭКО. 2007. № 9

вложения в его реализацию огромных средств. Особенно, когда речь идет о районах Восточной Сибири, где, как правило, не ступала нога человека. Вот и представьте себе, что делать нефтяникам, если налоговый режим меняется каждые полгода?! Да еще правительство отделяется полумерами.

В своё оправдание Минфин утверждает, что эффективная ставка налога 75% от продажной цены нефти соответствует европейскому уровню. Например, в Норвегии она составляет 78%, а в Дании – 73%. Это суцая правда, но на Западе компании на обустройство месторождений не тратят столько денег, сколько наши: вся инфраструктура там уже, как правило, есть. К тому же аналогичные затраты наших нефтяников выше, чем в мире, и растут они быстрее, потому что у нас выше уровень инфляции. Увеличивали затраты и укрепляющийся до конца прошлого лета рубль, и рост стоимости материалов и услуг, тарифов естественных монополий. Например, «Транснефть» в 2008 г. подняла плату за прокачку нефти на 20%, а потом еще на 15%. Особняком стоит сугубо российская специфика: успешную компанию, в проекты которой вложены десятки миллиардов долларов, невзначай могут и отобрать. Достаточно упомянуть «Юкос» или «Русснефть». Последнюю всё делят и поделить не могут.

Кроме того, нынешний уровень налоговых нагрузок на Западе возник лишь в последнее время. А вот прежде инвестиционный климат был весьма благоприятным. Например, месторождения Северного моря разрабатывали 40 лет, на что потрачен 1 трлн дол. За это время как минимум 32 года поддерживался очень льготный режим налогообложения: от 20 до 40%. Правительства просто умоляли компании инвестировать. Компании им верили и не прогадали.

Вали кулем – потом разберём

Демарш нефтяников сыграл свою роль: преодолевая сопротивление Минфина, в правительстве РФ готовили законопроект о снижении НДС. Предполагалось с 1 января 2009 г. не облагаемый налогом минимум с 9 дол. за баррель поднять до 15 дол., предоставить налоговые каникулы для освоения месторождений в Восточной Сибири и за Полярным кругом, а также

обнулить НДС для месторождений, выработанных на 80%. Это, по словам В. В. Путина, оставит в отрасли до 150 млрд руб⁶. (по оценкам некоторых экспертов – около 100 млрд).

Уже вскоре после того, как в июле 2008 г. этот закон подписал президент страны, вице-премьер А. Л. Кудрин настойчиво предлагал необлагаемый минимум в 15 дол. заменить снижением налога на прибыль: с 24 до 20%. Однако эксперты прикинули: по сравнению с первым полугодием 2008 г. во втором, вместе с обвалом мировых цен, прибыли нефтяников сократились примерно на 40%. Если учесть мнение главы «Лукойла» В. Ю. Алекперова о том, что необлагаемый минимум надо бы поднять не до 15, а до 23 дол., то замена куцей льготы 4%-й скидкой налога на прибыль и вовсе оставит отрасль с носом.

Но хуже всего то, что практики и аналитики находят все предлагаемые меры случайными и несистемными.

«Поправки в ущербный для страны закон о НДС существенно его не улучшили», – говорил в сентябре 2008 г. на очередной конференции в Тюмени Г. И. Шмаль⁷, президент Союза нефтегазопромышленников России.

А. Н. Янин, доцент Тюменского госуниверситета, долго работавший в нефтяной отрасли, сказал «ЭКО», что повышение необлагаемого минимума до 15 дол. поможет лишь при одном обязательном условии: если оставшиеся у компаний деньги пойдут на инвестиции, а не на прокорм. А. В. Шпильман, гендиректор научно-аналитического Центра рационального недропользования им. В. И. Шпильмана при правительстве ХМАО, считает, что деньги, сэкономленные на налогах, не будут инвестированы в развитие, если в законе не пропишут специальной нормы. А про неё забыли.

«Напомню, – говорил Александр Владимирович, – что в законе о налоге на восстановление минерально-сырьевой базы, на смену которому в 2002 г. пришел НДС, было прямо записано, что часть этих средств государство возвращает компаниям для того, чтобы финансировать геологоразведочные работы. Не потратил по назначению – верни деньги в бюджет. И казначейство строго контролировало».

⁶ Коммерсантъ. 2008. 15 авг.

⁷ Тюменские известия. 2008. 17 дек.

Вообще, по мнению А. В. Шпильмана, льготы – не подачки, они должны стимулировать какие-то процессы. Если бы, например, в законе написали не брать налог со скважин, дающих 2–5 т нефти в сутки, то эти скважины быстренько стали бы переводить из неработающего фонда в работающий. Параллельно стали бы разрабатывать месторождения с «трудными» запасами. Но если закон, как сейчас, просто уменьшает налог на 20%, то это, на взгляд эксперта, не будет стимулировать хозяйственную деятельность компаний, а просто увеличит их прибыль. Конечно, компании будут довольны. Но добыча нефти и подготовленные запасы вряд ли вырастут.

Рентомания или реальность?

Законодательство, по твердому убеждению А. В. Шпильмана, должно двигаться к дифференциации налогов. Однако у этого направления немало противников. Дискуссии о природной ренте и способах её изъятия разгораются всё жарче, правда, главным образом, внутри Садового кольца столицы. Некоторые наблюдатели говорят о новой болезни – рентомании.

Как это ни странно, споры идут о ренте, которая есть в природе, но в нашем законодательстве её и следа нет. В том же Налоговом кодексе. О ренте упоминает лишь Закон о недрах, да и то – косвенно. Вроде бы, никакими нитками ренту сегодня к фискальной политике не пришьёшь. Вот в Минфине полагают, что дифференцировать НДС фактически невозможно. Например, добычу ведь считают не по месторождениям, а по компаниям. Тем не менее А. В. Филипенко, губернатор ХМАО, настаивает на дифференциации налога с учетом состояния каждой скважины. И для этого у него есть веские основания.

«ЭКО» уже писал, что на замену старых замерных установок «Спутник», которыми с советских времён оснащались промыслы, тюменская фирма «Сибнефтеавтоматика» к 2000 г. создала новое устройство. Точность «Спутников» – 8–10%, и потому их использовали только для оперативного учёта нефти. Точность новых замерных устройств – 2,5%. По этому показателю они слегка проигрывают зарубежным аналогам. Но последние стоят 1 млн дол., а наши до девальвации –

1,5 млн руб. Со временем, когда заказы на изготовление будут исчисляться не сотнями, а тысячами штук в год (только на промыслах Западной Сибири свыше 14 тыс. «Спутников»), они подешевеют на треть.

Сейчас утверждён национальный стандарт точности измерений нефти, воды и попутного нефтяного газа. Появилась возможность учитывать продуктивность каждой скважины, и, стало быть, постепенно переносить налогообложение с уровня предприятия сначала на лицензионные участки, а потом и на каждую скважину. Словом, у губернатора Югры есть объективные причины настаивать на переходе, пусть и постепенном, к дифференцированному обложению налогом.

«Мы, – говорит А. В. Шпильман, – должны создать баланс интересов: государство – компания – территория. Убрать из этой триады чиновника, который не всегда защищает интересы государства. Как только эти интересы совпадут – всё пойдёт нормально. А просто так давить на компании бессмысленно».

Сказанное выше прямо связано с эффективностью ещё одной льготы по налогам – в зависимости от выработанности месторождений на 80%. Таких в Тюменской области, по данным А. В. Янина, около трети. Компании подобные цифры не показывают – большой секрет. По мнению этого эксперта, соответствующая налоговая льгота вряд ли будет работать, так как на деле неясно, насколько реально выработаны месторождения. Особенно, когда речь идет о грани 79–81%.

«Если смотреть строго по государственному балансу запасов, – говорит А. В. Шпильман, – то 30 месторождений, выработанные до 80%, добывают в год 35 млн т из 280 млн т в округе. Однако добыча – величина замеряемая, а оценка запасов – расчетная. Так вот, примерно по половине месторождений не выработанность, а запасы неверно посчитаны. В этой ситуации запасы нужно уточнять, а уж потом льготы вводить».

«Мы в свое время, – продолжал Александр Владимирович, – предлагали в дополнение к нынешнему закону давать льготы при выработанности выше 80%, если текущие запасы меньше чем в 10 раз превышают годовую добычу. Тогда можно проверить, действительно месторождение исчерпано или некорректно посчитаны запасы». «Наше предложение важно

потому, – продолжает эксперт, – что на этой стадии разработки обычные методики уже бессильны, поскольку мы имеем дело с остаточными запасами. Сгладится и жесткость нормы – 80% точно уловить невозможно. К сожалению, наши предложения не поддержали. Где? Скорее всего – в Москве, поскольку и правительство, и Дума округа их одобрили».

Лучше поздно, чем никогда

Обсуждая ещё одну новацию по льготам – налоговые каникулы для новых месторождений – А. В. Шпильман напомнил, что Ханты-Мансийский округ принял по этому поводу свой закон еще в 1990-е годы. Тогда действовало положение о так называемых «двух ключах»: регионы наравне с федеральным центром имели право принимать свои законы об использовании недр. Механизм работал около 8 лет. Удалось поднять добычу со 160 млн до 280 млн т. Комплексные меры помогли быстрее вводить месторождения, запускать простаивающие скважины. А потом право «двух ключей» отменили вместе с хорошим законом округа, поскольку его не было в федеральном законодательстве. «Почему теперь не использовать наш опыт напрямую? – недоумевает эксперт. – Ведь есть отличные результаты».

Для округа эта проблема актуальна: из 440 открытых месторождений 270 работают, а примерно 150–170 нужно вводить. Из них только за компаниями числится около 100 месторождений, остальные – в нераспределённом фонде. «Да, на маленьких – запасы 3–5 млн т, – говорит А. В. Шпильман. – Но ресурсная база ухудшается, их надо вводить. Важно и то, что рядом с этими месторождениями создана инфраструктура. Если с их вводом затянуть – состарятся трубопроводы, все заржавеет. Хватимся – придется строить заново. Затраты потянут больше, чем все льготы». Тем более актуальны каникулы для «малышей»: ведь затраты на их разведку и освоение сопоставимы с инвестициями в крупные проекты, а вот отдача заметно меньше. Добычу «малыши» резко не поднимут, но поддержат существующий уровень, компенсируют падение на крупных.

Другой вопрос – какой продолжительности должны быть налоговые каникулы? Первый период освоения очень затратный,

а прибыли нет. В некоторых странах действует норма, согласно которой компания начинает платить налоги только тогда, когда окупит все инвестиции и начнет получать прибыль. Значит, надо предлагать механизмы, которые приблизили бы этот момент. Их тоже нет.

Наконец, законодатели ничего не сказали о стимулировании геологоразведочных работ. Напомню, что с появлением НДС бурение разведочных скважин в ХМАО с 1 млн м в 2001 г. упало ровно втрое. Как следствие, резко сократились приросты запасов. В конце декабря В. Ф. Панов, директор департамента нефти и газа округа, сообщил, что объем геологоразведочного бурения и сейсмоки в 2009 г. может сократиться на 50%.

Ожидается резкое снижение объема сервисных работ. Примерно треть скважин с обводненностью выше 95% могут закрыть. «Если инвестиции в геологоразведку по-прежнему будут капать в час по чайной ложке, – говорит А. В. Шпильман, – добыча покатится вниз раньше, чем мы этого ожидаем. И нынешние льготы здесь, что мертвому припарки». В идеале, считает эксперт, надо вернуться к старому налогу на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Когда его отменяли, руководство страны думало, что компании станут вкладывать деньги в геологоразведку. Но они почему-то не захотели это делать.

Арифметика, по данным А. В. Шпильмана, здесь простая: на каждый метр поисково-разведочного бурения получают 200–250 тыс. т запасов. Чтобы обеспечить ресурсную базу и поддержать сегодняшнюю добычу, нужно бурить 1 млн м в год. Механизмы инвестирования здесь не имеют принципиального значения. Не хочет правительство расставаться с НДС – пусть держится за него двумя руками, но обеспечит бурение этого миллиона метров. «Когда нам говорят, что можно бурить 300 тыс. м и получать нужный прирост запасов – это из области фантастики. Я не понимаю, почему правительство принимает программы, основанные на рассуждениях, а не на детальных расчетах! Скорее, это связано с ответственностью».

Этот день мы приближали, как могли...

Остался суший пустяк: понять, зачем, как мокрую тряпку, выжимали нефтяную отрасль? Ответ из официальных уст

гласит: копили на черный день, а также на развитие других отраслей экономики. В первую очередь – инновационных. О том, что из благих намерений получилось, «ЭКО» недавно писал⁸. Добавлю, что, накачивая Стабфонд, сейчас разделённый, экономику все годы держали на голодном денежном пайке, о чем говорит показатель её монетизации. Он более чем втрое ниже китайского. Высокий уровень монетизации позволяет этой стране развиваться удивительными темпами и успешно противостоять кризису. Главной причиной обвала нашей экономики Г. И. Ханин и Д. А. Фомин считают катастрофическое – на 40% – сокращение производственных фондов⁸.

Интересно, что выводы авторов «ЭКО» подтверждает краткое выступление нового полпреда президента в Уральском федеральном округе Н. А. Винниченко 24 января 2009 г. в Челябинске перед губернаторами и главами крупнейших компаний. В частности, полпред сказал, что округ, на который приходится 17% ВВП, на первом месте по изношенности основных фондов – около 50%, а треть оставшихся неконкурентоспособны⁹. Не блещет в этом смысле и нефтяная промышленность: по оценкам независимых экспертов, производительность труда на российских промыслах раз в 20 ниже, чем на американских.

Что же касается инновационной продукции, о которой сейчас много говорится, то её доля в стране составляет всего-то 0,3–0,5% ВВП (в США – 40%). Вот так, с помощью Стабфонда, и развивали другие отрасли...

Это, опять же, прямо связано с политикой Центрального банка России. Главной своей задачей он, видимо, с подачи Минфина, объявил не рост экономики, а борьбу с инфляцией. Для этого, дескать, и следует изымать деньги из экономики в Стабфонд. Между тем на протяжении нескольких лет и независимые аналитики, и ученые не раз доказывали, что, во-первых, снижение инфляции не может быть целью экономической политики. Ни конечной, ни промежуточной, ни денежных властей, ни правительства.

Стратегическая цель – это долгосрочный экономический рост и повышение благосостояния населения. И уж тем более нельзя

⁸ Ханин Г. И., Фомин Д. А. Экономический кризис в России: причины и последствия // ЭКО. 2009. № 1.

⁹ URA.RU. 2009. 26 янв.

использовать в условиях России такой инструмент, как стерилизация денег в Стабфонде. Исследования журнала «Эксперт»¹⁰ доказывают: чем больше денег в экономике – тем меньше инфляция. Например, в 2003 г. денежная масса росла невиданными темпами – 50% в год в реальном выражении. Инфляция при этом упала с 14 до 11%, а ВВП за год вырос на 7,2%.

Но уже через два года картина была другой. Так, в 2006 г. О. Г. Дмитриева, депутат Госдумы, член комитета по бюджету и налогам, известный специалист в этой сфере, доктор экономических наук, писала¹¹, что естественный инфляционный фон в сегодняшней России – это 11–13%, чего не следует бояться. Если, разумеется, стремиться к целям, описанным выше. Но пополнение Стабфонда на 1–2 трлн руб. ежегодно равносильно, по расчётам О. Г. Дмитриевой, удвоению расходов консолидированного бюджета на образование и здравоохранение либо полной отмене НДС в стране. При этом на 3–4% тормозится экономический рост. То есть, в 2005 г. при официальном росте ВВП в 6,4% профицит бюджета составил 8%, но фактически страна жила как при экономическом спаде в 1,6% ВВП. А коли вместо роста – спад, делает вывод О. Г. Дмитриева, то повышается инфляция, поскольку денежной массе не нужно обслуживать дополнительный валовой продукт, которого нет.

В январе 2007 г. Р. С. Гринберг, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, предупреждал¹², что «черный день» уже наступил. «Ратовать сейчас за Фонд будущих поколений, – писал учёный, – контрпродуктивно. Стабфонда или Нефтегазового – как их ни называй – не хватит даже для латания дыр, которые с каждым годом разрастаются в экономике. Проблемы надо начать ликвидировать прямо сейчас, а не передавать будущим поколениям. России нужна структурная перестройка – фактически новая индустриализация... Для этого необходимы систематические крупные государственные расходы. Тем не менее стерилизационная политика денежных властей продолжается с нарастающей интенсивностью».

¹⁰ Эксперт. 2007. № 47.

¹¹ Коммерсантъ. 2006. 4 мая.

¹² Российская газета. 2007. 23 янв.

Вот взгляд со стороны – известного французского экономиста Жака Сапира, директора Высшей школы исследований СЕМИ-ЕНЕСС (Париж), приглашенного профессора Московской школы экономики. Группа этих специалистов на основе данных нашего ЦБ РФ в 2006–2007 гг. тестировала 18 связей уровня ликвидности с индексом потребительских цен. Опущу методику¹³, любопытны результаты. Из 18 связей 10 показали обратную корреляцию между денежной массой и инфляцией, а четыре – результат, близкий к нулю. И только четыре выявили как позитивную корреляцию, так и едва уловимую взаимосвязь между эластичностью инфляции и денежной массы. Эти результаты, пишет Ж. Сапир, «вызывают серьёзные сомнения в существовании непосредственной связи между денежной массой и инфляцией в современной России... Борьба с инфляцией исключительно монетаристскими методами может быть чрезвычайно опасной».

Ж. Сапир писал это в декабре 2007 г., а чуть раньше министр финансов А. Л. Кудрин опубликовал свою статью «Инфляция: российские и мировые тенденции»¹⁴. Какие же факторы, влияющие на быстрый рост цен, выделяет автор? Во-первых, рост тарифов естественных монополий с коэффициентом эластичности 0,37. Во-вторых, рост зарплат с коэффициентом эластичности в средней перспективе 0,12, а в долгосрочной – 0,28. И лишь третье место занимают монетарные факторы со скромным коэффициентом эластичности: после 2003 г. – в пределах 0,06, а долгосрочные – 0,15. Да и то – с учётом всевозможных лагов.

Рискну утверждать, что перед нами тяжелый случай раздвоения личности: ученый Кудрин опровергает министра финансов Кудрина, который никак не может отрешиться от принципов «Вашингтонского консенсуса», в пух и прах раскритикованного и многими правительствами, и видными экономистами мира. Наш министр побеждает в себе учёного с разгромным счетом.

Да, ещё один миф – образец для подражания, Норвегия. По мнению Р. С. Гринберга, аналогия неуместная. Норвегия – маленькое, очень благоустроенное государство. Россия – страна

¹³ Эксперт. 2007. № 47.

¹⁴ Вопросы экономики. 2007. № 10.

огромных социальных контрастов и экономических проблем. В Норвегии, дополняет коллегу профессор Г. Н. Цаголов¹⁵, диверсифицированная экономика и один из самых высоких уровней жизни. Она может позволить себе средства нефтяного фонда полностью изымать из экономики и инвестировать в активы иностранных компаний. Но для развивающихся стран, к которым относится Россия, такой вариант не годится. Ссылаются, продолжает профессор Г. Н. Цаголов, на опыт Нигерии и Венесуэлы. Но там стабфонды использовали сразу на внутренние нужды, что породило рост инфляции и коррупции, поскольку проекты для инвестиций отбирали недобросовестно.

Однако в России финансовые власти как скала стояли на своём. Почему? Может, когда-нибудь общественность об этом и узнает...

Сейчас раздаются похвалы в адрес А. Л. Кудрина: если бы, мол, не скопленные резервы, что бы мы делали? Скорее всего, напротив, кудринская политика и финансово, и экономически подкосила страну. Слушая, как наши высокие руководители обвиняют власти США в том, что они допустили появление финансовых пузырей в своей стране, невольно думаешь, что эти обличители, по сути, были старательными учениками тех американских деятелей, которых они сейчас критикуют.

Для России же финансовые пузыри куда опаснее еще и по той простой причине, что наша экономика гораздо слабее американской. Кроме того, в отдельных отраслях и регионах всё ещё не завершена элементарная индустриализация. Конечно, мечтать не вредно о повсеместном пришествии инновационной экономики, хайтека. Но витать в облаках, не видя того, что творится под ногами, — это непростительная близорукость. Когнитивную экономику на утиле и хламе не создашь.

Теперь пожинаем плоды. Инфляция так и держится на двузначных цифрах, а в 2008 г. выросла почти до 14%. Для бедных же, по оценкам независимых аналитиков, она подскочила до 25%. Последние оценки экспертов говорят о том, что цены на продовольствие могут в текущем году вырасти до 45%, лекарства подорожают на 10–50%.

¹⁵ Российская газета. 2007. 23 янв.

Характерный пример – ЖКХ. В. В. Путин несколько раз публично, в том числе – по телевидению, объяснял стране, что внутренние цены на природный газ с 1 января увеличатся только на 5%, и повышать их будут раз в квартал. Это значит, уверял премьер, что резкого скачка тарифов ЖКХ тоже не будет. Что же тюменцы видят в счетах за жильё? Тарифы в январе сразу выросли более чем на 27%. Похоже, что не правительство управляет монополиями, а монопольные группы крутят правительством, как им выгодно.

Но это ещё цветочки, ягодки сулит простым гражданам новая версия федерального бюджета. Его доходы в 2009 г. составят не 10,9 трлн руб, как планировали, а только 6,5 трлн. Израсходовать же намечают 11 трлн руб. Понятно, что предстоит беспощадный секвестр, усечение расходных статей. Но этот вариант бюджета – не последний: его считали по завышенному курсу рубля и нефтяным ценам.

Такого чудовищного дефицита бюджета я не припоминаю ни в одной более-менее развитой стране. Кстати, экс-глава федеральной резервной системы США Алан Гринспен публично извинился перед нацией за то, что проглядел появление фондового пузыря. Мне кажется, после бюджетного провала в России его авторы должны бы сами уйти в отставку. Однако в нашей стране до такой традиции далеко.

Сейчас в помощь банкам, а также крупным государственным и частным корпорациям направили, по одним данным, 4 трлн, а по другим – около 10 трлн руб. из той самой кубышки, куда в последние годы складывали в основном нефтедоллары. Любопытна разноголосица в цифрах. Интересно, знает ли кто-то в стране точные размеры этой помощи? Да и деньги до получателей текут ни шатко ни валко. В Челябинске полпред президента Н. А. Винниченко сказал, что федеральные деньги не дошли до 29 системообразующих предприятий. Недавно президент Д. А. Медведев, выступая на коллегии ФСБ, заявил: «Эти деньги, еще раз подчеркну, должны расходоваться по назначению. <...> Необходимо выявлять и пресекать любые коррупционные проявления»¹⁶.

¹⁶ Коммерсантъ. 2009. 17 фев.

Конечно, за тем, куда направляют бывшие налоги, по сути — общенародные средства, должен быть жесточайший контроль. Однако сама его возможность, на мой взгляд, вызывает сомнение.

Похоже, власти ещё не осознали всю серьезность кризиса. Совсем недавно А. Л. Кудрин обнадеживал, будто накопленных резервов хватит на 7 лет. Вскоре он не так уверенно говорил лишь о двух годах, а теперь по этому поводу предпочитает помалкивать. И. Ю. Юргенс, вице-президент Союза промышленников и предпринимателей России, а также глава специального Экспертного института, заявил на экономическом форуме в Давосе, что власти скрывают истинные масштабы кризиса в стране. Это похоже на правду...

А пока нефтяные компании, одна за другой, объявляют о солидном снижении инвестиций в новые проекты. Выступление В. Л. Богданова, главы «Сургутнефтегаза», на челябинской встрече с полпредом президента скорее походило на вопль души. Компания четыре месяца работает в убыток. Гендиректор компании передал господину Винниченко пакет антикризисных предложений со словами: в их реализацию не нужно вкладывать деньги, нужно лишь свести к минимуму бюрократическую волокиту. «За прошлый год, — сказал В. Л. Богданов, — я собрал около 33 тыс. разрешительных подписей... Скважина бурится 20 дней, и 1,5 года мы получаем разрешительные документы. Я готов обеспечить заказами и металлургов, и машиностроителей. Но если деньги и найду, то фактически не смогу собрать 66 тыс. подписей. За 25 лет своей работы не помню такого»¹⁷.

Бабушка надвое сказала...

Когда статья была уже написана, 12 февраля в Киришах премьер В. В. Путин провел выездное совещание по нефтяной отрасли с участием вице-премьеров И. И. Сечина и А. Л. Кудрина, а также министров и руководителей нефтегазовых компаний. В. В. Путин напомнил, что правительство уже сделало для нефтянки: ускорило пересмотр цены для расчета экспортной

¹⁷ URA.RU. 2009. 26 янв.

пошлины, снизило НДС, обнулило ставки на ввоз уникального оборудования, ускорило амортизацию. Как итог – нефтяники сэкономили 500 млрд руб., сохранены финансовая стабильность и ритмичная работа отрасли. Теперь правительство может временно снизить пошлину для восточносибирской нефти, пообещал премьер. После совещания министр энергетики С.И. Шматко сообщил, что она обнулена. Решение может быть оформлено в течение месяца-двух, но срок каникул точно не определен. По мнению министра, он может составить до трех лет.

Одобрены ускоренный возврат НДС на импортное оборудование и госгарантии для инвестпроектов по глубокой переработке нефти. Заявлено о решении разработать новую концепцию налогообложения – взимать от реально накопленного дохода, или, попросту, от сверхприбылей компаний. Этот налог заменит НДС только на новых месторождениях.

И всё-таки некоторые надежды нефтяников не оправдались. Так, премьер не обещал вернуться к удобному налогу на воспроизводство минерально-сырьевой базы, как и ввести фискальную дифференциацию в зависимости от выработанности месторождений. Правительство не стало поднимать необлагаемый НДС с 15 до 25 дол. С. И. Шматко, выступая от имени нефтяников, просил также уравнивать пошлины на темные и светлые нефтепродукты, отодвинуть сроки перехода на новые стандарты топлива и 95%-ю утилизацию попутного нефтяного газа. Но премьер ясно дал понять, чтобы на это не рассчитывали. Зависло предложение о приоритетном доступе попутного нефтяного газа и сухого отбензиненного газа нефтяников к трубе «Газпрома»¹⁸.

Однако буквально через несколько дней после совещания в Киришах вице-премьер И. И. Сечин, он же – главный куратор отрасли, заявил, что, несмотря на все сетования нефтяников, у них «всё нормально... аварийный подход не требуется». Вице-премьер подчеркнул, что, хотя проблемы есть, но «предрекаемый апокалипсис добычи черного золота может быть отложен на будущее»¹⁹. Это заявление выглядит явной полемикой И. И. Сечина с министром энергетики С. И. Шматко,

¹⁸ Коммерсантъ. 2009. 13 фев.

¹⁹ IFX.RU. 2009. 16 фев.

который в Киришах впервые обнародовал среднесрочный прогноз добычи нефти, составленный на основе расчетов компаний. Обещанные фискальные послабления могут повысить добычу до 511 млн т к 2013 г.; в противном случае к тому же сроку добыча с нынешних 488 млн т может упасть до 450 млн т. Дефицит инвестиций в отрасль в 2009 г. составит 200 млрд руб., к 2010 г. он может вырасти до 600 млрд руб. Существующая фискальная нагрузка делает нерентабельной разработку 36% действующих и 93% новых месторождений.

О том, что с объективностью информации на самом верху властной вертикали не всё в порядке, можно судить по диалогу на совещании в Киришах вокруг льгот по НДС. Вначале министр Шматко и премьер Путин никак не могли разобраться, действует ли, и если – да, то – как, уже принятое решение по этому налогу. Потребовалось детальное разъяснение, которое по просьбе В. В. Путина дал глава «Сургутнефтегаза» господин Богданов. «Импортное оборудование, – сказал он, – идет к нам по единому коду... Мы привозим его, оплачиваем НДС, он поступает в казначейство, а вернуть его можно только тогда, когда поставлено все оборудование, до последнего винтика. А на это уходит несколько лет». После этого разъяснения министр Кудрин равнодушно подтвердил, что, как и предлагает В. Л. Богданов, коллизию можно исправить, внося соответствующие поправки в Таможенный кодекс. «Давайте зафиксируем это и решим положительно, – заключил и господин Путин»²⁰.

Однако и половинчатые решения, вроде бы оговоренные в Киришах, надо ещё оформить в решения правительства. Потребуется вносить поправки и в Налоговый кодекс. На это уйдёт как минимум месяца три. Тем временем ход событий углубляет разногласия. Например, минфиновские чиновники уже сейчас говорят, будто незачем снижать фискальную нагрузку, поскольку доходы компаний растут по мере ослабления рубля. Для экспортера рост курса доллара на 1 руб. эквивалентен росту цены нефти на 5 дол., – говорится и в февральской презентации «Роснефти» для инвесторов. «С учетом девальвации и выравнивания пошлин мы сейчас

²⁰ Коммерсантъ. 2009. 13 фев.

работаем примерно при цене 70 дол. за баррель», – рассказал «Ведомостям» вице-президент «Роснефти» Питер О’Браен²¹. Девальвация облегчает положение «Лукойла», который теперь исходит из цены 65 дол., считает представитель компании. Девальвация «приблизила» цены к 70–80 дол., согласен Денис Борисов из «Солида», и с августа принесла отрасли около 800 млрд руб. «Нет критической цены: при 9 дол. за баррель и курсе 50 руб. за доллар мы можем быть устойчивыми»²², – говорил исполнительный директор «ТНК-ВР» Герман Хан.

Похоже, на фоне этой разногласицы изменения по части налогов у нефтяников идут в разные стороны. Так, буквально за день до совещания в Киришах Минфин объявил, что вместо обещанного обнуления, с 1 марта экспортная пошлина с 100,9 дол./т может быть увеличена до 114–117 дол./т. И Минфин, и аналитики объясняют это тем, что нефтяные цены, очевидно, нашли дно – около 40 дол. за баррель. Однако, по оценкам других экспертов, нефтяники, скорее всего, будут работать без прибыли, поскольку увеличение пошлины повысит себестоимость экспорта с 32 до 34–35 дол. за баррель. К тому же всё ещё велика вероятность снижения мировых цен до 35 дол., и тогда нефтяники лишатся операционной прибыли.

Хотя увеличение пошлин противоречит курсу правительства, делается это от безысходности. Надо же как-то покрывать дефицит бюджета, – говорят чиновники в Минфине. Однако чуть ли не ежедневные изменения в налогообложении оказывают отрасли медвежью услугу, поскольку растёт неопределённость. Между тем, по итогам января, хотя три нефтяные компании и увеличили добычу на 1–2% за счет старых заделов, её падение в стране продолжается. По оценке экспертов «Уралсиба», в 2009–2010 гг. объем инвестиций в отрасль уменьшится приблизительно на 10–20% по сравнению с 2008 г., что приведет к соразмерному сокращению объема бурения эксплуатационных скважин. В 2009 г. добыча снизится на 2–3%, а в 2010 г. – ещё на 4–5%.

Ну, а что будет еще дальше – это вилами на воде писано...

²¹ Ведомости. 2009. 20 фев.

²² Там же.